

БОРИС ВОЛКОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТОГО ИМЕНИ

Проскурина Е. Н.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация. В статье впервые представлено творчество писателя восточной эмиграции Бориса Николаевича Волкова (1894–1954). Современникам он был известен по публикациям в харбинских, шанхайских, парижских, пражских и др. изданиях, где печатался под разными псевдонимами. Однако в настоящее время он оказался забытым автором. В работе проанализированы два рассказа Волкова: «Степной Ворон» и «Потомок Чингис-хана» в ракурсе автобиографии писателя, а также в свете культурных традиций монголов. К анализу привлечено «Старинное монгольское сказание о Чингисхане», помогающее раскрыть семантическое ядро сюжетных мотивов произведений, относящихся к традициям степного гостеприимства. Самый экзотичный из них – гостеприимный гетеризм. Сюжеты обоих произведений построены на автобиографических событиях и относятся к раннему периоду жизни писателя, когда он был участником Гражданской войны на стороне Колчака. Посланный адмиралом в Монголию для выступления против панмонгольской кампании Унгерна, Волков был приговорен бароном к смерти. Так он был вынужден бежать в Китай. Помощниками в опасном переходе стали для него монголы. Перипетии этой авантюрной части биографии отражены в двух анализируемых произведениях. В них Волков предстает настоящим художником, произведения которого пополняют арсенал этнографической словесности. Тематически оба рассказа относятся к корпусу произведений, развивающих инонациональную тему в русской литературе начала XX в. Герои познают мудрое и поэтическое отношение монголов к миру, к жизни и смерти, основанное на древних традициях и обычаях.

Ключевые слова: литературная эмиграция; восточная эмиграция; писатели-эмигранты; литературное творчество; русская эмиграция; литературные жанры; рассказы; литературные сюжеты; поэтика сюжета; культурный трансфер; гостеприимный гетеризм.

BORIS VOLKOV. THE RETURN OF A FORGOTTEN NAME

Elena N. Proskurina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract. The article for the first time presents the work of the writer of the Eastern emigration Boris Nikolaevich Volkov (1894–1954). He was known to contemporaries for his publications in Harbin, Shanghai, Paris, Prague and other cities, where he was published under various pseudonyms. However, he is now a forgotten author. The article analyzes two short stories by Volkov: “The Steppe Crow” and “The Descendant of Genghis Khan” from the perspective of the writer’s autobiography, as well as in the light of the cultural traditions of the Mongols. The analysis involved the “Ancient Mongolian Legend of Genghis Khan”, which helps to reveal the semantic core of the plot motives of the works related to the traditions of steppe hospitality. The most exotic of them is hospitable heterism. The plots of both works are based on autobiographical events and refer to the early period of the writer’s life, when he was a Civil War participant on the side of Kolchak. Sent by the admiral to Mongolia to oppose Ungern’s Pan-Mongol campaign, Volkov was sentenced to death by the baron. So he was forced to flee to China. The Mongols helped him in his dangerous journey. The twists and turns of this adventurous part of the biography are reflected in the two works under analysis. In them, Volkov appears as a real artist, whose works replenish the arsenal of ethnographic literature. Thematically, both stories belong to the corpus of works that develop an international theme in Russian literature of the early twentieth century. The characters of the stories learn the wise and poetic attitude of the Mongols to the world, to life and death, based on ancient traditions and customs.

Keywords: literary emigration; Eastern emigration; writers-emigrants; literary creative activity; Russian emigration; literary genres; short stories; literary plots; poetics of the plot; cultural transfer; hospitable heterism.

Для цитирования: Проскурина, Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени / Е. Н. Проскурина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 60–69. – DOI: 10.26170/FK20-04-06.

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Борис Николаевич Волков (1894–1954) принадлежит к числу забытых авторов первой эмиграции. Хотя современники знали его по публикациям в харбинских, шанхайских, парижских, пражских изданиях, а также в американской периодике. У Волкова было несколько псевдонимов: Н. Н. – под ним он в 1920-х гг. печатался в харбинских «Новостях жизни», журналах «Рубеж» и «Вольная Сибирь»; Даурец Н. П. – этим псевдонимом он подписал свои очерки «Семеновские застенки (Записки очевидца)», опубликованные в харбинском издательстве «Маяк» в 1921 г. Под собственным именем в 1934 г. Волков издал в Берлине книгу стихов «В пыли чужих дорог». Также своим именем он подписывает публикации в «Русских записках», «Калифорнийском альманахе», «Земле Колумба» и др. Что касается жизненного пути писателя, то во всех биографических справочниках он представлен лишь несколькими строчками. Наиболее объемное описание дано в антологии «Русская поэзия Китая»:

«Волков Борис Николаевич (17/31.5.1894, Екатеринослав – 9.6.1954, Сан-Франциско). ...Учился на курсах военных санитаров и затем с 10.4.1915 до середины 1917 г. был на фронте. Георгиевский кавалер. В тот же период начал печататься в газетах. В декабре 1917 г. воевал в Белой армии в Иркутске. В 1919 г. после падения правительства Колчака перешел монгольскую границу. Был приговорен Унгерном к смерти, бежал с помощью монголов в Хайлар. Скитался по странам Азии. Побывал в Персии, на арабском Востоке. Жил в Японии и в Китае. Сотрудничал в харбинской газете „Русский голос“. В 1923 г. эмигрировал в США. ...Стихи писал еще в России. Его первая извест-

For citation: Proskurina, E. N. (2020). Boris Volkov. The Return of a Forgotten Name. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 60–69. DOI: 10.26170/FK20-04-06.

Acknowledgements: the study is supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

ная публикация в США – в альманахе „Дымный след“ (1925). В дальнейшем находим его публикации в шанхайском альманахе „Врата“, в „Калифорнийском альманахе“ (Сан-Франциско), в „Земле Колумба“ (Сан-Франциско), „У Золотых Ворот“ (Сан-Франциско), в журналах „Рубеж“ (Харбин), „Феникс“ (Шанхай), „Вольная Сибирь“ (Прага), „Москва“ (Чикаго), „Asia“, „Русские записки“ (Париж), „Возрождение“ (Париж). В 1929 г. стал американским гражданином. Был женат: в первый раз в Китае – на В. П. Витте; второй раз в США, после развода, на В. В. Townley. В 1934 г. вышла его единственная книга „В пыли чужих дорог“... Волков готовил на английском и на русском издание второй своей книги – автобиографического романа „Царство золотых будд“. Известны только отрывки под названием „В стране золотых будд“. Написал несколько других романов и повестей, все они не опубликованы. Умер Волков от травм, полученных в автомобильной катастрофе, в которой погибла его жена» [Русская поэзия Китая 2001: 673–674].

Живя уже в Америке, Волков в анкете, представленной журналу «Вольная Сибирь», так писал о себе: «Чего я только в Америке не делал: шоколад, колбасные изделия, натурал полы, проводил дороги, строил дома, грузил и разгружал пароходы. Время остается мало, да и устаем мы изрядно. Писать книги – подвиг. И мне кажется иногда, что не хватит сил» [Вольная Сибирь 1929: 112]. Добавим к сказанному, что Б. Волков был одним из организаторов Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско, просуществовавшего с 1927 по 1957 гг. В «Новом историческом вестнике» за 2001 г. в специально посвященном

этому объединению обзоре он назван «наиболее одаренным поэтом» из всех участников кружка [Новый исторический вестник 2001].

Однако за скупыми «регистрационными» описаниями скрыта драматическая судьба Б. Волкова, авантурные перипетии которой он отразил в своих мемуарных сочинениях «Семеновские застенки» и «Об Унгерне (Из записной книжки белогвардейца)». Оба мемуарных текста созданы в 1921 г. Большая часть записок «Об Унгерне» опубликована в 1921 г. в харбинской газете «Новости жизни». Отдельные фрагменты приведены в документальном романе Л. Юзефовича «Самодержец пустыни» (2010), посвященном барону Унгерну. Целиком воспоминания Волкова опубликованы в приложении к книге Б. Соколова «Барон Унгерн. Черный всадник» [Унгерниада 2007]. Как следует из сказанного, интерес к личности Б. Волкова активизировался в последние годы в связи с его воспоминаниями об Унгерне, личность которого до сих пор притягивает исследователей своей предельной контрастностью.

С бароном Унгерном Волков столкнулся в период своих командировок в Восточную Сибирь и Монголию, предпринятых по поручению Сибирского правительства, в восточном штабе которого он состоял офицером для поручений. Членства в Сибирском правительстве, ведшем борьбу против панмонгольского движения Унгерна, было для «черного» барона достаточно, чтобы приговорить Волкова к смерти. Чудом избежав расстрела, он бежал из Урги в Хайлар, где, скрываясь от преследования на сеновале у местного жителя – богатого буряты, написал большую часть своих записок «Об Унгерне». Записки практически целиком посвящены «кошмарным кровавым» расправам Унгерна и его сподручных над пленными офицерами, местными жителями и их семьями. Целью своей Волков ставил, помимо прямого свидетельства описываемых событий, сохранение в памяти образа Унгерна как пример «атаманства», явившегося, с его точки зрения, одной из основных причин поражения Белой армии в Сибири. С этого времени начинается скитальческая жизнь будущего писателя, завершившаяся его эмиграцией в Америку.

Отголоски участия в событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке слышны и в поэзии Б. Волкова, и в его прозе, лишь малая часть которой оказалась опубликована в разрозненных эмигрантских изданиях. Нам удалось найти два рассказа: «Потомок Чингис-хана», вышедший в сборнике «Врата» (1935, № 2), и «Степной Ворон», опубликованный в журнале «Русские записки» (1937, № 2). С большой долей вероятности можно предположить, что это фрагменты неопубликованного романа «Царство золотых будд», рукопись которого считается утерянной. Однако в журнале «Вольная Сибирь» за 1929 г. роман Волкова представлен как выходящий из печати. Редакция отмечает, что в нем изображены события, происходящие в Монголии, Сибири и Китае в период 1915–1921 гг. В журнале приведены «сочувственные отзывы», опубликованные в крупных американских газетах. Например, в «Окленд трибьюн»: «Эта книга, о которой профессор Калифорнийского университета (отдел славянских языков) Александр Каун отзывался, как о труде одновременно научном, художественном и более захватывающем, чем роман» [Вольная Сибирь 1929: 112]¹. Следом дан отзыв из «Экзаминер»: «...то, что пережили Волковы, захаровывает. Сцены, которые они видели, столь ужасны и кровавы, их бегство из Монголии столь чудесно, что будущий читатель их книги, захваченный рассказом, невольно содрогнется... Через бесконечные степи страны, превышающей в пять раз Францию, Живой бог, сумасшедший барон Унгерн фон Штернберг, монгольские бандиты, московские комиссары, тибетские монахи, американские авантюристы, русские беженцы, и преследуемые евреи, – все это было снесено и сжато ветрами: красным вихрем, несущимся из Москвы и раскаленным до бела – откуда-то со стороны Гобийских пустынь» [Вольная Сибирь 1929: 112–113]. Из этих отзывов следует, что их авторы были знакомы со всем текстом романа, а не только его фрагментами.

В основу обнаруженных нами произведений, написанных от первого лица, положены реальные события, произошедшие с автором в монгольский период его жизни. Если воспоминания Волкова в повествовательном от-

¹ В цитатах везде сохранены орфография и пунктуация источников. – Е. П.

ношении представляют собой «сухую» фиксацию жизненных обстоятельств, свидетелем которых он был, то в прозе он предстает настоящим художником, произведения которого пополняют арсенал этнографической словесности. Тематически оба рассказа относятся к корпусу произведений, развивающих инонациональную тему в русской литературе начала XX в., таких как «Дерсу Узала» и «По Уссурийской тайге» В. Арсеньева, «Васька Гиляк» и «Никичен» Р. Фраермана, «Сын орла» Т. Борисова, «Большой аргиш» М. Ошарова, «Чукотка» и «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, «Последний костер» Г. Федосеева, «Великое кочевье» А. Коптелова и др. [подробно см.: Якимова 1982]. Трудно однозначно определить хронологию событий, изложенных в рассказах Волкова. На наш взгляд, зарисовка, представленная в «Степном Вороне», относится к более раннему моменту биографии автора и изображает один из его переходов из России в Монголию в период его командировок в должности офицера по особым поручениям. «Потомок Чингис-хана» посвящен неудавшемуся побегу будущего писателя из Монголии в Китай.

Рассказ «Степной Ворон» открывается завораживающей картиной монгольской природы, на фоне которой будет разворачиваться экзотический сюжет:

«Тот, кто бывал в Монголии, знает о прелестных горных лощинах, которые встречаешь неожиданно – „за поворотом“, подъезжая из степи к лесистым хребтам.

Эти лощины в Сибири называют „падью“, они выходят „устьем“ в степь, верховьем теряются в лесистых хребтах.

В них встречаешь сочную, высокую траву, деревья, прохладный дующий с хребта ветерок. В эти пади уходит летом кочевник от степного зноя, от выгорающей в степи травы.

В такую падь мы со Степным Вороном неожиданно попали после двухчасовой верховой езды. ...Это и была „Уединенная долина“, о которой Степной Ворон говорил. Действительно – без проводников ее трудно было бы отыскать. По середине долины, падая с высины, пробегал ручей, а вдоль ручья, по склону, разбросались под кедрами семь серых войлочных юрт. У некоторых из них виднелись срубленные наскоро из свежих деревьев загоны

для скота. Из юрт вились дымки» [Русские записки 1937: 99–100].

Из краткого изложения реальных обстоятельств можно установить, что речь идет об опасном для героя-повествователя переходе, успех которого зависит от опыта проводника-монгола по кличке Степной Ворон:

«Степной Ворон... заговорил по-русски, обращаясь ко мне. Его план был ясен и прост. Он брал с собой на Селенгу Далая, Дамдына и еще семь вооруженных, конных людей. Решил он идти тайгою, высылая в бурятские улусы по пути разведку, которая должна была изображать иногда охотников, иногда богомольцев, идущих на богомолье или возвращающихся с богомолья, в зависимости от расположения очередного бурятского дацана-монастыря» [Русские записки 1937: 103].

Однако больше к теме похода я-повествователь не возвращается. Центром сюжета становится его остановка на ночлег в юрте проводника-монгола. Мы встречаемся здесь с варьированием известного литературного сюжета «военные на постое». Причем, постой оказался в экзотическом для русского героя мире, сравнимом с миром таких произведений, как «Тамань» М. Ю. Лермонтова или «Казак» Л. Н. Толстого, сюжетно организованных вокруг схожей ситуации. Внимание героя рассказа сосредоточено на деталях быта, особенностях обычаев, культуры монголов. При вхождении в жилище Степного Ворона его удивляет опрятность и чистота юрты, где отсутствуют лишние вещи и предметы, и при этом царящие в ней уют и тепло:

«Мне очень понравилась юрта, куда я попал. И я думал о том, что, если привыкнешь, нет более приятного дома, чем юрта в лесу или степи.

Мое плечо согрел огонь жаровни. В юрте не было углов – пол ее представлял почти правильный круг. В ней не было стен, потолка, пола наших комнат. Все это заменял войлок (как рождественская игрушка, завернутая в вату).

Фактически не было и мебели. Кроме божницы и жаровни справа я видел лишь один красного лака ящик для одежды, да у двери, по обеим сторонам ее, несложную утварь для сбивания масла, кроме того, если напрячь зрение, можно было увидеть седло,

узdecky, капкан, да старинное кремневое ружье» [Там же: 106].

Лаконизм повествовательной речи, простота, ясность и точность изображаемого в этом фрагменте отсылают к языку прозы Пушкина. Здесь отчетливо слышны корреляты с повестью «Станционный смотритель», а именно с изображением жилища Самсона Вырина, привлекшего внимание повествователя простотой быта, отмеченного при этом опрятностью, уютom. Соотносим рассказ Волкова с пушкинской повестью и ситуацией «военные на постое», что предполагает движение сюжета в направлении к любовной интриге. Вместе с тем, вариант «цивилизованный герой и дикарка» притягивает к себе инонациональные, в первую очередь кавказские произведения русских писателей, где развитие сюжета строится на антитезе «цивилизация – природа, разум – чувство», завершаясь драматическим финалом [см.: Печерская, Никанорова 2010: 106]. Введение в сюжет образа юной героини – дочери Степного Ворона с поэтическим именем Мюсень-гюрель, кажется, предполагает завязку любовной истории:

«У пылающей жаровни необыкновенно красивая дикая девушка в бусах и кольцах пила мелкими глотками водку из чашки и закусывала, хрустя на крепких белых зубах леденцами.

Затем, обняв руками колена, она стала, слегка покачиваясь из стороны в сторону, петь. Девушка полузакрывает глаза. Яркий румянец исчез. Лицо побледнело. Под глазами легли большие черные тени. Горлом она выводила странный мотив» [Русские записки 1937: 106–107].

Песня Мюсень-гюрель была из тех, что составляются певцами «на случай». В ней пелось о незнакомом всаднике, которому девушка вынесла напиток кислого молока. Это вызывает ассоциации с известным русским песенным сюжетом о путнике, которому девушка выносит воды напиток (напр., стихот-

ворение Евг. Гребенки «Молода еще девица я была», ставшее известной песней, приобретшей статус народной). В песне юной монголки он приобретает национальную окраску: «И я знала, что буду кричать и биться / Под его сильной рукой / На его седле» [Там же: 107]. Степной Ворон так объясняет смысл песни герою-чужаку:

«Правильная песня... Говорит Великий Хан: „Если свободный всадник нагонит в степи свободную девушку и, схватив узду ее коня, заставит слезть ее в траву, – она считается его женой. Дело родителей взыскать калым“...» [Там же].

В этой сцене словно провоцируется дальнейший ход событий, которые должны развиваться в соответствии с сюжетом песни Мюсень-гюрель. Однако сюжетное движение в рассказе не оправдывает читательского ожидания, не совпадая ни с одной из приведенных фабульных схем. «Любовь к чужаку» здесь трансформируется в ситуацию гостеприимного гетеризма – обычая, характерного для «полудивилизованных народов» (А. ван Геннеп), когда хозяин предлагает гостю свою жену или дочь¹. Именно такой женой на ночь и готова стать для героя Мюсень-гюрель из послушания отцу. Проснувшись среди ночи, рассказчик видит ее сидящей обнаженной рядом со своим ложем:

«Ее удивила моя непонятливость. На своем ломаном языке она старалась разъяснить мне, как ребенку, этот странный обычай степного гостеприимства. Затем движением плеч просто скинула шубу и, обнаженная, поблескивая и смеясь узкими глазами, стала многозначительно расплетать одну черную косу за другой. Наш старинный русский обряд расплетания девичьей косы перед свадьбой промелькнул передо мной... Несомненно, со стороны Степного Ворона это был акт настоящего степного внимания, и я понимал, что это не был вопрос денег: такую девушку нельзя так просто купить... но мне ничего не остава-

¹ «К Категории прямых контактных обрядов следует отнести некоторые сексуальные обряды, такие, как, например, обмен женщинами. Если обряд односторонний, то чужеземцу отдают в пользование женщину (жену, дочь, родственницу, т. е. женщину, имеющую отношение к хозяину или к тому же классу или к тому же племени, что и сам хозяин). Хотя в некоторых случаях цель передачи женщин заключалась в том, чтобы иметь детей от чужеземцев, которых считали более способными к воспроизведению здорового потомства» [Геннеп 1999: 36]. Случаи гостеприимного гетеризма отмечены в Финикии, Индии, Тибете, Китае, у народов Севера. Приведем свидетельство из книги А. Никитина «Хождение за три моря»: «В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями» [Никитин 2014: 8].

лось как закричать, призывая на помощь старика» [Русские записки 1937: 111].

Обескураженный неожиданным явлением героини на ее манящее поведение я-рассказчик отвечает не соответствующей реакцией, но лишь растерянностью. За отношением Мюсень-гюрель к герою, как к непонятливому ребенку, скрыта контрастность двух культурных ойкумен: восточно-азиатской, воспринимающей свои жизненные традиции зрелыми, сформировавшимися в процессе трудной многовековой истории, и русской, с точки зрения степных народов находящейся в юношеском возрасте становления. Руководствуясь доводами рассудка, путаясь и подыскивая слова, я-рассказчик пытается объяснить Степному Ворону «основные принципы морали», не позволившие ему воспользоваться экзотичными законами степного гостеприимства. Однако у старого монгола, как и у его дочери, оправдания героя вызывают лишь недоумение. Не понимая причины отказа, он видит ее в телесных недостатках героини, твердя про себя: «Недостаточно толста Мюсень-гюрель». Эта внутренняя реплика Степного Ворона придает образованному коммуникативному конфликту комическое звучание. Характерное для ситуации «любовь к чужаку» партнерское противостояние, базирующееся на разности культурных кодов и соответствующее модели «разум – чувство», сменяется в рассказе на «разум – послушание». О «любви» в данном случае можно говорить лишь в варианте «обладания», причем несостоявшегося.

«Старый отец, – продолжал с достоинством Степной Ворон, лишь заметил: наёну – лучшему другу нужна женщина... Послушная, хорошая дочь встала и пошла...» [Там же: 112].

Показательно именование героя «наёном», что значит «боярин», «благородный». Это объясняет поступок Степного Ворона в его соответствии древнему обычаю, зафиксированному в «Старинном монгольском сказании о Чингисхане», где одной из основных идей является служение вассала своему господину. Так, в ключевом эпизоде «Старинного сказания», повествующем о наделении Тэмуджина ханским достоинством, его сподвижники возвещают: «Мы хотим провозгласить тебя царем. Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем пере-

довыми, и если полоним прекрасных девиц и жен да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных нами зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы или в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях» [Палладий http]. В дальнейшем и Чингисхан, и его вассалы (по распоряжению хана) не раз пополняли свой гарем полонными красавицами. Кроме того, есть в «Старинном сказании» и обычай дарения дочери/жены как плата за дружбу: «Чингис пожаловал Чжурчэдаю супругу свою, Ибаху. Чингис сказал Ибахе: „Я не то, что не возлюбил тебя за дурной нрав, или недостаток красоты, и не говорил, что ты телом нечиста, когда поместил тебя в число супруг своих. Я дарю тебя Чжурчэдаю за то, что он оказал доблестные заслуги, в битвах рисковал жизнью и умел собрать отделившиеся народы...“» [Там же].

Исходя из этого древнего обычая, становится понятным, почему в рассказе Волкова не состоявшаяся ночная близость вызывает у героини слезную обиду на героя: она не стала достойной его, наёна, «прекрасной красавицей». «У жаровни, не обращая внимания на свою наготу, сидела девушка и плакала, прикрывая временами, как это делают плачущие дети, лицо локтем руки. Старик грозно прикрикнул на нее, и она выскочила из юрты, всхлипывая и натягивая шубу в рукава. Мне было чрезвычайно неловко» [Русские записки 1937: 112], – заканчивает свой рассказ о ночном происшествии герой. В этой сцене уже героиня предстает в образе малого, обделенного лаской дитя.

Коммуникативный конфликт в рассказе так и остается неразрешенным. То, что для русского цивилизованного человека является одним из основных моральных устоев, для старого монгола – не более чем признак дури:

«Почто хочешь быть дураком, наён? ... Великий хан говорит: „Из взятых табунов лучших коней отберите для себя“... Вот почему, хотя не заботится о своем коне монгол, не найти крепче монгольская коня... Великий хан говорит: „Из взятых пленниц лучших женщин заставьте лечь с вами“... Вот почему и сейчас у бурятских девок груди... Видел грудь Мюсень-гюрель?.. –

Степной Ворон говорил долго и выкурил много трубок. И выходило, по его словам, что нет любви, но есть стройная система – Завет Великих Ханов, подбором пленниц, думавших выковать для Мирового Государства новую расу, прекрасней и сильнее которой не знал мир. И, если это так, то в целях отбора, почему не уступить достойному чужестранцу на время – свою жену или дочь?» [Русские записки 1937: 113].

В своем побуждении Степной Ворон руководствуется не только дружеским чувством к гостю, в котором видит своего господина, но и характерным для гостеприимного гетеризма намерением сохранения и улучшения потомства. Этому «жесту» также есть соответствие в «Старинном сказании»: «Чингис сказал Чжурчэдаю: ...Когда Найман и Мерки рассеялись, Чжахаганьбу представил мне двух дочерей своих и через то, сохранил народ свой...» [Палладий [http](http://)].

Поступок Степного Ворона, предлагающего чужеземцу «на время» собственную красавицу-дочь ради создания новой расы, вписывается в традиционные для доцивилизованных народов представления о чужеземце как обладающем особой силой (мана) [подробно см.: Геннеп 1999: 29–42]. Вместе с тем, неоднократная апелляция к наказаниям «великого хана» служит свидетельством самовосприятия Степного Ворона его (Чингисхана) потомком. В последней фразе я-повествователь переводит слова старого монгола в некую универсальную заповедь, заигравшую новыми смыслами в период Гражданской войны. «Завет Великих Ханов» (Степной Ворон говорит лишь о «великом хане») приобрел на Дальнем Востоке особую актуальность, вписавшись в рамки панмонгольского проекта барона Унгерна, мечтавшего о реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия.

Если в «Степном Вороне» монгольский мир воспринимается русским героем как незнакомый, чужой, то в рассказе «Потомок Чингис-хана» автобиографический я-рассказчик с интересом и увлеченностью вглядывается в традиции степного народа, пытается проникнуться его духом. Отвлечясь от реальных обстоятельств, связанных с попыткой побега из-под ига барона Унгерна, ему помогает окружающая природа, с ее «деятельной жизнью»:

«...я приказал оседлать для себя коня и выехал на прогулку в степь. Было раннее утро и было так хорошо, что не хотелось ехать быстро. Я пустил коня шагом и жадно вдыхал полной грудью степной воздух, пропитанный ароматом просыхающей от утренней росы травы.

Всюду начиналась деятельная жизнь. На сухих пригорках весело паслись тарбаганы; жирные и неуклюжие, они становились на задние лапы и, посвистав немного, удивленно смотрели на меня... Высоко в воздухе парили коршуны, высматривая молодого зазевавшегося тарбагана... Коршуны парят в воздухе, на высокой скале сидит орел или два; иногда днем, случайно, можете увидеть линяющего волка. Бока уже гладкие и ровные, а спина покрыта пучками старой длинной шерсти. Для всех них тарбаган является лакомым куском» [Врата 1935: 40].

Из этого описания виден живой интерес, с каким герой наблюдает разворачивающуюся перед ним «деятельную жизнь» птиц и зверей, отгораживаясь от суровой повседневности.

Главным персонажем в произведении представлен охранник героя, командированного от монгольского министерства внутренних дел «за несколько сотен верст от Урги» [Там же: 35], монгол княжеского рода – «благородный Намсарай»:

«Намсарай был высоким, по-юношески стройным, несмотря на свои 60 лет, стариком. Он носил простой монгольский терлык, но необыкновенной длины – не менее 15 футов – кушак, стягивающий, подобно корсету, талию, а расшитые разноцветной кожей монгольские сапоги с поднятыми вверх острыми носками выказывали несомненное степное щегольство. Сзади за поясом был заткнут нож. Впереди на поясе блеснул прибор для добывания кремнем огня. И прибор, и ножны ножа были затейливо изукрашены старинной чеканки серебром. Такие вещи передаются веками из рода в род.

Намсарай двигался медленно и величественно. Но особенно поражало его потемневшее от степной непогоды и от степного солнца лицо, покрытое похожими на старые шрамы морщинами. Прямой нос, смело глядящие в упор глаза, седая эспаньолка под нижней губой» [Врата 1935: 37–38].

Перед русским офицером старому монголу было важно показать себя цивилизованным человеком, для чего он обставляет свое жилище ненужными в его быту вещами. Павлинье перо для шляпы, расположенное рядом с биноклем и божницей, придает разностильность внутреннему обустройству его шатра, отчего сам образ «благородного Намсарая» приобретает комический оттенок:

«Свой шатер он старался устроить совсем, как у меня, и даже выложил какие-то монгольские бумаги и повесил на колышек бинокль, совершенно излишний его ястребиным глазам. Рядом с поставленными друг на друга полированными ящиками-божницами, рядом с богами, – знаменитая картонка для парадной шляпы и особый футляр – с ея павлиньим пером» [Там же: 37].

В своем поведении старый монгол пытается утвердить собственное «благородство» медлительностью и плавностью движений, высокопарностью речей, относящихся к «пустякам», а также ленью: «Куда торопиться? Что делать? – Все переделано до нас давным давно!» [Там же: 38]. При этом он показывает себя предупредительным, вежливым человеком, отдающим лучшие куски добычи герою, и одновременно его зорким «тюремщиком». Поглядывая на его винтовку старого образца, я-рассказчик размышлял о том, что в опытных руках Намсарая она в любой момент может прекратить его такие исполненные тревоги дни. Показательно, что в своих обращениях к рассказчику старый монгол использует почтительное «найон» (в «Степном Вороне» оно передано в огласовке «наён»).

Актуальность побега из Монголии в Китай стала очевидной для героя после того, как он получил известие, что «сумасшедший барон» отдал приказ об уничтожении офицеров «без разбору». Для удачного побега необходимо было достать хороших коней, покупку которых обеспечил герою тот же Намсарай.

На протяжении всего повествования автор изображает «благородного Намсарая», акцентируя его принадлежность к потомкам Чингисхана. Вместе с тем, старый монгол впитал в себя и древнюю китайскую мудрость, почерпнутую из трактата о правилах поведения Ли-Цзы, которую он не раз цитирует в своих беседах с я-рассказчиком. Больше всего пора-

жает героя та сдержанность, с которой Намсарай реагирует не только на благодарность, но и на обиду, усмиряя свой бурный нрав:

«Изрытое морщинами обветренное лицо Намсарая, казалось, говорило без слов о том, что семь столетий, достаточное количество предков, и даже само китайское иго, – не могли, как говорят здесь, „разжижить густую, бьющую сильной струей кровь Чингис-хана“.

Для меня стало ясным, что в сердце старика, как и в сердце его народа, борются два начала: одно, – уходящее в глубь веков, овеванное гудением бубна шамана и тайнами Черной Веры, давшее монголам славу воинов, едва не покоривших весь мир.

Другое – искусственное, привитое китайцами, в целях обуздать непокойного соседа, берущее начало в рассуждениях ламаизма, превратившее воина в „пастуха чужих“, – главным образом, китайских, – „стад“» [Врата 1935: 39–40].

Потомком Чингисхана Намсарай предстает в своей реакции на жизненные неудачи как на обыденные вещи:

«Бедность – не преступление, найон, и сам Великий Чингис-хан, мой предок, до того, как поднял стяг свой, – девять белых хвостов яка, – и покорил мир, в детстве питался кореньями и луковицами растений, которые собирала для него мать, а в зрелой юности, будучи голодным, съел даже полевую мышшь...» [Там же: 41–42].

В ту же парадигму заповедей великого хана встраиваются и поступки единственного раба Намсарая. После неудачной охоты князь приезжал в юрту к своему рабу, «который, предоставив хозяйство, жену и домочадцев своему господину, старался на это время куда-нибудь исчезнуть. Ибо, со времен Чингис-хана, вассал чтит закон, доставляя сюзерену лучших добытых им женщин и коней» [Там же: 42–43]. Здесь мы вновь встречаемся с действенностью степного закона гостеприимного гетеризма. В этом эпизоде наиболее отчетливо проявляет себя природное достоинство именно раба, который не только деликатно исчезает, оставляя своего господина в собственном доме, но и обеспечивает ему репутацию благополучного, преуспевающего человека: привозит Намсарая новый халат – с тем, чтобы тот усиленно мазал его «стекаю-

щим с пальцев бараньим салом, ибо сальные пятна на халате служат показателем достатка владельца, питающегося „жиром земли“» [Там же: 43].

В процессе развертывания сюжета Намсарай все больше превращается для героя из надсмотрщика в друга. Выступая на стороне «Возрожденного Бога Войны» – барона Унгерна, Намсарай вместе с тем недоумевает, зачем ему столько «казней и пыток». Эти сомнения дают мудрому монголу основание ослабить свою функцию «тюремщика». Видя, как его подопечного не оставляет тревога, Намсарай отвозит его к созерцателю-ламе, чтобы тот открыл ему будущее. Диалог в доме ламы ведется между ним и Намсараем на языке древней мудрости. Беседу начинает Намсарай: «Чтоб золотое пламя поднималось ровным светом, светильник ставь лишь там, где есть защита от всех ветров» [Там же: 50]. Однако на эти священные слова лама дает противоречащий им ответ:

«Некий путник, изнуренный зноем... приблизился к белому от пены, быстро несущему воды потоку и остановился на берегу, боясь погрузиться в прохладные волны. Но не вступив в поток. Кто может освежиться? И разве каждому дает судьба возможность поставить светильник свой вдали от всех ветров? Не бойся жизни! Книги говорят: „Кто не исполнил возложенного на него, – напрасно жил“» [Там же].

По возвращении Намсарай объясняет герою слова созерцателя-ламы:

«Думают, – сказал он, – что степи совершенно открыты, что всюду в степи путь. Не так, найон! Запутаны степные дороги. Их стерегут древние боги, которые пропускают лишь тех, кто победил в сердце своем страх. Святой лама не хотел быть до конца ясным. Я переведу его слова на наш грешный язык: „Будь достойным. Иди!“» [Там же].

Рассказ заканчивается кратким сообщением о неудаче побега, однако герой с величайшей благодарностью вспоминает Намсарая-тайчжи, проявившего себя настоящим другом, укрепившим его дух. Восточная мудрость становится частью его сознания:

«Я лежу на мягком шердыке (войлоке) и записываю в записную книжку неожиданно пришедшая в голову слова Лао-Цзы:

– „Я слышал, что тот, кто обладает секретом жизни, путешествуя за-границей, не побежит от тигра или единорога, и войдет, не думая об оружии, в неприятельский лагерь. Ни тигр, ни единорог, ни вражеский солдат не тронут его.

Но почему?

– Потому, что он превзошел смерть“» [Врата 1935: 52].

Объем статьи не позволяет в полноте показать богатую художественность рассказа «Потомок Чингис-хана», во всех гранях представить образ главного персонажа. Как и образы других героев, их мудрое и поэтичное отношение к миру, к жизни и смерти. Произведение оставляет впечатление завороченности автора экзотикой открывшегося ему, неведомого до того мира Монголии, с его древними традициями и обычаями. Для более рельефного сравнения приведем в заключение фрагмент из рассказа Ф. Жакова «Улетин-Елена», в котором слышны отзвуки гостеприимного гетеризма. В нем герой-скиталец попадает «на Печору», где ему предлагают кров в одной из изб. Залезая на печку, чтобы согреть озябшие ноги, он видит лежащую там женщину. «„Можно, спрашиваю, ноги положить к тебе?“ – „Можно, говорит, куда хошь клади“. Ноги мои быстро согрелись возле теплой женщины. На другой день спрашиваю, можно ли опять зайти к ним. – Милости просим, ответила женщина. Народ там гостеприимный, хошь и староверы. Все тебе дадут: и сено, и хлеб, и жену, если пожелаешь. А не пожелаешь, как хошь, опять же» [Жаков http]. Показательна в речи женщины варьирующаяся реплика «как/куда хошь», за которой скрыта не столько свобода выбора, предлагаемая герою, сколько равнодушие к нему. Этот небольшой фрагмент показывает разительный контраст между восточным гостеприимным гетеризмом как соблюдаемой древней традицией и русским – как пережитком, характерным для российских провинциальных «углов» [Сорокин http].

О том, что тема Востока остается для Б. Волкова доминирующей во всем творчестве, включая поэтическое, свидетельствует его книга стихов «В пыли чужих дорог», первое название которой было «Реестр моих переживаний» [Вольная Сибирь 1929: 113], говорящее о ее авто-

биографической основе. Главный смысл книги выражен в эпиграфе, воспроизводящем слова Лао-Цзы: «Справедливость и человеколюбие нынешнего времени – пустые звуки: они слу-

жат прикрытием жестокости и тревожат сердца людей». Восточные мотивы проходят через весь лирический сюжет сборника, чему следует посвятить отдельное исследование.

Литература

- Вольная Сибирь. – 1929. – № 5.
Врата. – 1935. – № 2.
Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
Жаков, К. Улетин-Елена / К. Жаков. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003767665?page=10&rotate=0&theme=white (дата обращения 22.10.2020). – Текст : электронный.
Никитин, А. Хождение за три моря / А. Никитин. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 55 с.
Новый исторический вестник. – 2001. – № 3 (5).
Палладий, архим. Старинное Монгольское сказание о Чингисхане / архим. Палладий. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Kafarov/starinnoe-mongolskoe-skazanie-o-chingishane (дата обращения: 02.11.2020). – Текст : электронный.
Печерская, Т. И. Сюжеты и мотивы русской классической литературы : учебное пособие / Т. И. Печерская, Е. К. Никанорова. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. – 161 с.
Русская поэзия Китая. Антология. – М. : Время, 2001. – 720 с.
Русские записки. – 1937. – № 2.
Сорокин, П. К вопросу эволюции семьи и брака у зырян / П. Сорокин. – URL: http://foto11.com/komi/ethnography/pitirim_sorokin/family_evolution.php (дата обращения: 22.10.2020). – Текст : электронный.
Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова // Соколов Б. Барон Унгерн. Черный всадник. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2007. – С. 317–444.
Якимова, Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе / Л. П. Якимова. – Новосибирск : Наука, 1982. – 228 с.

References

- Gennep, A. van. (1999). *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of Passage. Systematic Study of Rituals]. Moscow, Izdateľ'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 198 p.
Nikitin, A. (2014). *Khozhdenie za tri morya* [A Journey beyond the Three Seas]. Moscow, Direkt-Media. 55 p.
Novyi istoricheskii vestnik [New Historical Bulletin] (2001). No. 3 (5).
Palladij, arkhim. *Starinnoe Mongol'skoe skazanie o Chingishane* [An Ancient Mongolian Legend about Genghis Khan]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Kafarov/starinnoe-mongolskoe-skazanie-o-chingishane/ (mode of access: 02.11.2020).
Pecherskaya, T. I., Nikanorova, E. K. (2010). *Syuzhety i motivy russkoi klassicheskoi literatury* [Plots and Motives of Russian Classical Literature: A Book for Students]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU. 161 p.
Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya [Russian Poetry in China. Anthology]. (2001). Moscow, Vremya. 720 p.
Russkie zapiski [Russian Notes]. (1937). No. 2.
Sorokin, P. K *voprosu evolyutsii sem'i i braka u zyryan* [On the Question of the Evolution of Family and Marriage among Zyryans]. URL: http://foto11.com/komi/ethnography/pitirim_sorokin/family_evolution.php (mode of access: 22.10.2020).
Ungerniada. *Zapiski B. N. Volkova* [Ungerniada. Notes of B. N. Volkov]. (2007). In *Sokolov B. Baron Ungern. Chernyi vsadnik*. Moscow, AST-Press Kniga, pp. 317–444.
Vol'naya Sibir' [Free Siberia]. (1929). No. 5.
Vrata [Gates]. (1935). No. 2.
Yakimova, L. P. (1982). *Mnogonatsional'naya Sibir' v russkoi sovetskoj literature* [Multinational Siberia in Russian Soviet Literature]. Novosibirsk, Nauka. 228p.
Zhakov, K. *Uletin-Yelena* [Uletin-Elena]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003767665?page=10&rotate=0&theme=white (mode of access: 22.10.2020).

Данные об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения. Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Author's information

Proskurina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).